

«Искра»
 сту» *) г. Коринфскаго, я говорю и настаиваю на томъ, что это чортъ знаетъ что такое. Поэмы г-на Мережковского, посвященныя «зеленой» лунѣ, и лирика г. Соллогуба, отъ которой отдаетъ покойницей, производятъ на меня то-же самое впечатлѣніе... Этотъ символизмъ, это декадентство прежде всего измѣна, да-съ измѣна тому, чѣмъ жила наша литература цѣлый вѣкъ, что составляетъ ея славу, гордость и величіе, что поставило ее въ теченіи какихъ-нибудь столѣтій на ряду съ европейскими литературами. Вы полагаете, что я не понимаю всѣхъ этихъ господъ, а только ругаюсь. Извольте ошибаться; прекрасно понимаю, тѣмъ болѣе и не Богъ вѣсть какая это мудрость. Русская литература жила до сей поры своими гуманными чувствами, своими пародическими идеалами, своимъ демократизмомъ. «Мы все демократы»,—говорилъ Достоевскій, выводя всю свою литературную дѣятельность изъ гоголевской «Шинели». Литература шла на встрѣчу массѣ, старалась сблизиться съ нею, защитить ее, заступиться за обездоленнаго человѣка и хотѣла всѣми фибрами существа своего предоставить ему рай на землѣ. Въ этомъ и заключалась ея мощь, таинственная причина ея почти невѣроятнаго успѣха. Просидѣть сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года и вдругъ развернуться, какъ Ильи Муромецъ, развернуться во всю ширь, дать «Мертвыя души», комедіи Островскаго, романы Тургенева, Толстого, Достоевскаго—да какъ,—спрашиваю я васъ,—это могло-бы случиться, не будь у литературы единая святая святыхъ, которому служили все великіе и малые, могучіе и слабые, сильные? А символисты и декаденты дезертируютъ—это прежде всего. Они нарушили традицію, они измѣнили знамени. Дальше отъ массы!—вотъ ихъ девизъ. Они стараются чувствовать особенно, пишутъ мало, понятнымъ языкомъ, ищутъ необычныхъ ощущений; у нихъ «зеленая» луна, «розовато-коричневые» туманы, черныя розы—все что угодно, только-бы дальше отъ массы, только-бы не быть похожимъ на нее! Это умственный аристократизмъ въ самой откровенной и самой скверной своей формѣ, это стремленіе создать себѣ или, по меньшей мѣрѣ, выдумать для себя новое зрѣніе, особый слухъ, обоняніе, необычныя чувства и все это возмущаетъ меня и все это наводитъ тоску».

Милый, благородно-негодующій читатель!..

II.

«У насъ нѣтъ теперь литературы, такъ какъ нѣтъ великихъ талантовъ». Фразу эту я слышалъ десятки и сотни разъ и никакъ не могу согласиться съ нею, какъ не могу согласиться и съ вышеприведенными читательскими разсужденіями. Я немножко оптимистъ и во всемъ стремлюсь найти свою хорошую сторону. Напр., г. Перерепе... то-бишь Потапенко (все путаю!)—скажите, пожалуйста, чѣмъ не писатель? Что онъ ни напишетъ, ему говорятъ: «чепуха», а онъ въ отвѣтъ на это—новую сотню листовъ. Попробуйте вы такъ! Вѣдь, тутъ пушно мужество почти гражданское, нужна сила нравственная почти невѣроятная, способная стать выше всѣхъ насмѣшекъ, обидъ, всѣхъ этихъ критикъ и критикановъ. Или г. Чеховъ. Правда, его послѣднія вещи («Три года», «Ариадна» и еще что-то) нѣчто вродѣ «О мои блѣдныя ноги», но за то г. Чеховъ, во-первыхъ, мало пишетъ, во-вторыхъ, коротко

пишетъ, что по нынѣшнимъ временамъ ей-ей добродѣтель. Г. Засодимскій пишетъ длинно, но—не будьте, господа, благодарны—это творецъ «Рыжого Графа»—произведенія столь нравственнаго, что если возродится когда-нибудь журналъ для дѣвицъ Кремнина—«Рыжій Графъ» будетъ превознесенъ надъ «Гамлетомъ», а г. Засодимскій причисленъ къ лику. А если кто скажетъ, что добродѣтель и художественное творчество—не то-же самое, я отвѣчу: «слыхали мы васъ... вольтеріанцевъ»...

Пора, однако, и серьезно поговорить съ читателемъ.

«У насъ нѣтъ литературы, такъ какъ нѣтъ истинныхъ талантовъ». Эта фраза представляется мнѣ парадоксомъ. Попробую опровергнуть его другимъ парадоксомъ-же: «Литература можетъ существовать и безъ крупныхъ талантовъ». Къ чему, спросимъ себя, сводится роль таланта и гения въ литературѣ? Такъ-ли она велика, настолько-ли она всезахватывающа, какъ мы полагаемъ? Не хватаемъ-ли мы черезъ край, не перецѣниваемъ-ли мы? Точка зрѣнія, сводящая исторію литературы къ великимъ писателямъ и великимъ произведеніямъ, представляется мнѣ предразсудкомъ, который особенно возмущаетъ меня, хотя я и нахожу «смигачущія» вѣщу обстоятельства... Вѣдь, вмѣстѣ съ молокомъ матери, вмѣстѣ съ первой прочитанной книгой всосали мы въ себя уваженіе къ великимъ именамъ, какъ къ творцамъ и создателямъ въ литературѣ. И было-бы въ высшей степени тяжело для насъ разставаться съ такого рода красивыми иллюзіями. Но что дѣлать—надо, въ известной степени.

Уже со временъ Тэна стало совершенно немыслимымъ и даже противонаучнымъ разсматривать художественное произведеніе, какъ нѣчто самодовольное, какъ продуктъ индивидуальнаго духа. Вмѣсто этой точки зрѣнія Тэнъ съ особенной силой выдвинулъ другую, болѣе широкую точку зрѣнія—среды.

«Чтобы понять данное художественное произведеніе,—говоритъ Тэнъ,—даннаго артиста, данную группу артистовъ, надо съ точностью представить себѣ общее состояніе умовъ и нравовъ ихъ времени. Тамъ лежитъ послѣднее объясненіе, тамъ находится первая причина... Если мы прослѣдимъ главныя эпохи исторіи искусства, то найдемъ, что искусства появляются и исчезаютъ вмѣстѣ съ известными состояніями умовъ и нравовъ... Великая греческая трагедія является вмѣстѣ съ побѣдой грековъ надъ персами, въ моментъ героическаго напряженія народнаго духа, и исчезаетъ вмѣстѣ съ независимостью республикъ, когда измѣлчаніе характеровъ и македонское завоеваніе отдають Грецію во власть иностранцевъ».

То-же повторяется вездѣ и повсюду. Великое художественное произведеніе суммируетъ, въкрѣпляетъ въ образъ известную общественную энергію, общественное настроеніе. Возьмите, напр., «Потерянный Рай», Мильтона,—хотѣли сказать, недавно появившійся въ новомъ русскомъ, хотя и прозаическомъ, но недурномъ переводѣ. Въ этой поэмѣ—все религиозное вдохновеніе, все народovolьческіе восторги англійскихъ пуританъ XVII вѣка. Ни Бромвель, ни Пимъ, ни Гамиденъ, ни сами пуритане ни разу не названы въ ней, нигдѣ нѣтъ даже прямыхъ указаній на волненія и революцію, и все-же вы чувствуете, что весь интересъ «Потеряннаго Рая» въ нихъ-то и заключается, что названные они присутствуютъ на каждой страницѣ, что вездѣ ихъ чувства, ихъ мысли, ихъ настроеніе. Пусть даже это не та пуританская Англія, которую мы знаемъ изъ исторіи. Мы не видимъ ея мелочности, ханжества, практическихъ стремленій; она является

*) Читатель, очевидно, увлекся. Сладкозвучныя строфы г. Коринфскаго посвятъ заглавію не «Черная капуста», а «Черныя розы». До «черной капусты» не дошелъ еще, насколько мнѣ это известно, ни одинъ изъ современныхъ поэтовъ, даже изъ такихъ, у которыхъ «блѣдныя ноги».

П. Скриба

«Е. А. Соловьевъ»